

Экстремізм і медыя

Содержание

1. Введение.....	1
2. Часть 1. Международное право и экстремизм	2
3. Часть 2. Беларусь и экстремизм	
Глава 1. Концепция «экстремизма» в белорусском законодательстве	7
Глава 2. Практика применения «антиэкстремистских» мер по отношению к медиа, журналистам и их аудитории	11
4. Выводы и рекомендации.....	33

Введение

На интерактивной [карте](#) мира, подготовленной Репортерами без границ в рамках World Press Freedom Index 2023, Беларусь покрыта тревожным темно-красным цветом, олицетворяющим наличие в стране «очень серьезной» угрозы свободной деятельности медиа и журналистов. Оценив ряд факторов, среди которых политический, экономический, социокультурный контексты, а также действующее правовое регулирование и уровень безопасности, эксперты, участвующие в оценке Индекса, пришли к заключению, что в 2023 году Беларусь занимает 157 место в мире (из 180 возможных), соседствуя с Палестиной и Никарагуа. И, к сожалению, указанная оценка тождественна нынешнему положению дел в сфере свободы СМИ в Беларуси.

Уже более трех лет государство с беспрецедентной активностью реализует широкомасштабную, всеобъемлющую политику подавления независимой журналистики — очевидно, рассматривая медиа, способные сообщать широкой общественности объективную информацию о происходящем в стране, в качестве непосредственной угрозы своему «существованию». Указанная политика характеризуется многообразием форм, каждая из которых вызывает серьезную обеспокоенность в контексте соблюдения стандартов прав человека и свободы СМИ. Однако — одним из самых «удобных» и излюбленных инструментов репрессивной политики власти по борьбе с независимой журналистикой стало применение «антиэкстремистских мер». Государство фактически поставило знак равенства между понятиями «экстремизм» и «независимые медиа», следствием чего стали многочисленные уголовные дела против представителей СМИ, внесение их в «экстремистские» и «террористические списки», произвольное наделение редакций статусом «экстремистского формирования», а публикаций независимых медиа — «экстремистского материала», блокировкой доступа к их интернет-ресурсам и, в сущности, запретом на взаимодействие аудитории с указанными СМИ под угрозой административной и уголовной ответственности.

Учитывая существенную роль «антиэкстремистской политики» в формировании медиапространства внутри Беларуси, целью настоящего доклада выступает анализ правового регулирования противодействия экстремизму и актуальной практики его применения в отношении независимых медиа и их представителей. В свою очередь, отправной точкой при проведении данного анализа выступают международные стандарты прав и свобод человека, которые, вне всякого сомнения, должны служить ключевым ориентиром демократического государства при любых обстоятельствах.

Часть 1. Международное право и экстремизм

Один из фундаментальных вопросов, неизбежно возникающих при исследовании государственной политики противодействия экстремизму, связан с пониманием границ и содержательного наполнения экстремизма как правового феномена. Иными словами — прежде чем ответить на вопрос, как государство должно «противодействовать» экстремизму, следует определить — а чему именно государство должно «противодействовать»? Что представляет собой экстремизм с точки зрения права? Ответ на этот вопрос, однако, является довольно затруднительным.

Несмотря на тот факт, что в течении последних десятилетий концепция экстремизма приобретает все большую значимость на международной арене, а [Совет безопасности](#) и [Генеральная ассамблея ООН](#) прямо призывают государства предпринимать меры для противодействия рассматриваемой проблеме, международное право по-прежнему не раскрывает понятие экстремизма. Более того — на сегодняшний день ни один универсальный международный договор не содержит упоминания экстремизма и, как следствие, не регламентирует какие-либо обязательств государств в данном отношении. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что международное право прямо не закрепляет обязанности государств противодействовать экстремизму.

Разумеется, наличие упомянутого договора могло бы пролить свет на определение экстремизма, послужив отправной точкой в формировании четких правовых стандартов. Тем не менее — даже если опустить вопрос юридической обязательности определения — международно-правовые акты «рекомендательного» характера также не содержат дефиниции экстремизма. Показательным примером в данном отношении является [План действий ООН по предупреждению насильственного экстремизма](#), в котором упоминается, что экстремизм — «явление многоплановое, которое не имеет четкого определения». Схожим образом в [докладе](#) Верховного комиссара по правам человека

экстремизм определяется как «явление, которое сложно понять до конца».

Примечательным является тот факт, что невзирая на указанные затруднения, данные документы подтверждают прерогативу государств-членов самостоятельно определить экстремизм в национальном законодательстве. Соответственно, государства, регламентирующие экстремизм в своем национальном праве, не могут обратиться к четко определенным международным стандартам, что, разумеется, увеличивает риск расширительного и разрозненного понимания данного явления и, как представляется, возможных злоупотреблений.

Тем не менее, несмотря на указанный пробел, будет неверным утверждать, что международное право не содержит никаких «руководящих указаний», которые

должны приниматься во внимание государствами при разработке собственных дефиниций. В определенном смысле международно-правовые акты (как обязательного, так и рекомендательного характера) содержат «рамочную структуру», которой должны соответствовать национальные определения экстремизма. Указанная рамочная структура, как минимум, подразумевает соблюдение иных международно-правовых обязательств при реализации политики противодействия экстремизму (включая, разумеется, обязательства по правам человека), очерчивая, тем самым, те границы, за которые государство не должно выходить. В частности, в настоящем докладе будут затронуты ключевые элементы упомянутой «рамки», через призму которых должен быть произведен анализ «антиэкстремистской» политики в Беларуси.

Насильственный экстремизм — как почва для терроризма

Анализ причин возникновения проблематики экстремизма в международное повестке позволяет установить наличие тесной связи между экстремизмом и терроризмом. Еще в 2006 году была принята [Глобальная контртеррористическая стратегия ООН](#), провозглашающая, что одним из ключевых направлений деятельности в сфере борьбы с терроризмом является «устранение условий, способствующих возникновению терроризма». Впоследствии Советом Безопасности ООН было подчеркнуто, что насильственный экстремизм может служить «питательной средой» для терроризма и именно в отношении подобного «экстремизма» государствам следует принимать соответствующие меры. Как можно обнаружить (и эта деталь ранее еще не была упомянута, несмотря на ее основополагающее значение) — речь идет о **насильственном экстремизме**, который может служить питательной средой для терроризма. В частности, среди примеров действий по противодействию насильственному экстремизму, Совет Безопасности [упоминает](#) «предотвращение радикализации, вербовки и мобилизации лиц в террористические группы и в ряды иностранных-боевиков террористов».

Следовательно, говоря об экстремизме, существующем в международно-правовом поле, мы подразумеваем не расплывчатую «приверженность крайним взглядам и мерам», а явление, которое неразрывно связано с насилием и террористической деятельностью. Впрочем, нельзя не обратить внимание на тот факт, что в Планах действий по предотвращению насильственного экстремизма отмечается, что именно такие «террористические группы, как „Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ)“, „Аль-Каида“ и „Боко харам“ формируют представление о насильственном экстремизме». Исходя из вышесказанного, можно заключить, что при разработке национальных стратегий противодействия экстремизму государства должны рассматривать исключительно насильственный экстремизм, ведущий к терроризму.

Разумеется, необходимо иметь в виду, что само по себе установление связи между экстремизмом и терроризмом не разрешает всех затруднений, касающихся определения экстремизма. В частности, следует учитывать, что в международном праве также отсутствует универсальное определение «терроризма» (однако, в отличие от экстремизма, существует ряд международных договоров, закрепляющих обязательства в данной сфере). Несмотря на признание того факта, что «экстремизм охватывает более широкую категорию проявлений», чем терроризм, четкое разграничение указанных терминов еще не было произведено (что вполне закономерно, учитывая отсутствие у них универсальных дефиниций). Тем не менее, понимание того, что идея противодействия насильственному экстремизму возникла в рамках глобальной контртеррористической стратегии, позволяет прийти к некоторым значимым умозаключениям относительно политики действий в данном направлении.

Устранение факторов, способствующих насильственному экстремизму

В то время как непосредственно борьба с терроризмом в большей степени фокусируется на «мерах, принимаемых правоохранительными и военными органами, а также силами безопасности», политика по противодействию насильственному экстремизму направлена на выход «за эти пределы». В рамках упомянутой политики акцент делается на принятие систематических превентивных мер, затрагивающих факторы, которые способствуют насильственному экстремизму. К подобным факторам, согласно Плану действий ООН, относятся отсутствие социально-экономических возможностей, маргинализация и дискриминация, неэффективное управление, нарушение прав человека и принципа верховенства права, неурегулированные конфликты и радикализация в тюрьмах, вызванная жестоким обращением.

Именно исследование причин возникновения насильственного экстремизма диктует государствам наиболее эффективные направления деятельности по его противодействию. В частности, План действий призывает государства принять конкретные меры, корреспондирующие с упомянутыми факторами, включающие в себя, среди прочего, вовлечение общин, расширение прав и возможностей молодежи и укрепление гендерного равенства. Наряду с этим, краеугольным камнем в данном отношении является вопрос соблюдения прав человека, имеющий ключевое значение для интеграции в общество лиц и сообществ, которые являются наиболее уязвимыми перед вовлечением в насильственный экстремизм. Это, в свою очередь, также подразумевает устранение безнаказанности за нарушение прав человека и, как следствие, наличие независимой судебной системы.

Вышесказанное позволяет прийти к выводу, что «борьба» государства с насильственным экстремизмом должна фокусироваться, в первую очередь,

на системных действиях, в том числе, внутри государственных институтов, которые способствуют построению устойчивого диалога между гражданами и государством (с акцентом на включение в этот процесс наиболее уязвимых групп). По этой причине — наличие в государстве функционирующих демократических институтов, позволяющих гражданам защитить свои потребности и интересы без использования насильственных мер, снижает для них «привлекательность» насильственного экстремизма.

Политика по противодействию экстремизму и права человека

Как уже было отмечено ранее, соблюдение прав и свобод человека играют ключевую роль в вопросе эффективной реализации политики по противодействию экстремизму, и — с другой стороны — сам по себе насильственный экстремизм представляет угрозу реализации данных прав и свобод. Верховный комиссар ООН по правам человека в своем Докладе [подчеркнул](#), что «последствия насильственного экстремизма для прав человека невозможно переоценить в свете тех шокирующих своей жестокостью актов насилия, которые совершаются ежедневно», отметив обязательства государств «принимать меры для защиты от насилия всех лиц, находящихся под их юрисдикцией». Поэтому, реализация политики по противодействию насильственному экстремизму может рассматриваться, в том числе, через призму исполнения государством своих международных обязательств по правам человека. Однако, разумеется, угроза насилия со стороны экстремистских организаций не развязывает государству руки в контексте принятия любых антиэкстремистских мер под предлогом «защиты прав человека». Кроме того — обеспечение «национальной безопасности» не должно рассматриваться государством в качестве более приоритетной задачи, чем исполнение своих обязательств в отношении прав и свобод человека.

В силу этого, еще одним существенным элементом «рамочной структуры» международного права является строгое соответствие любых «антиэкстремистских» мер обязательствам государства по правам человека. Разрабатывая и реализуя политику в данной сфере, государство должно следить, чтобы его деятельность не вступала в противоречие с установленными международными стандартами, в том числе — положениями [Международного пакта о гражданских и политических правах](#). В частности, учитывая специфику данного доклада, когда речь идет о противодействии экстремизму в отношении деятельности СМИ — следует обращать пристальное внимание на стандарты свободы выражения мнения, регламентированной в статье 19 Пакта.

Разумеется, свобода выражения мнений не является абсолютной и существуют допустимые пределы ограничения данного права — однако, руководствуясь пунктом 3 статьи 19 Пакта, любое ограничение со стороны государства должно

быть основано на законе, преследовать одну из перечисленных легитимных целей и быть необходимым для достижения указанной цели. В данном контексте следует остановиться на понятии «закон» и уточнить, что любые законодательные положения должны быть сформулированы точно и четко, чтобы предоставлять представителям государства руководящие указания по их исполнению, а также позволять представителям общественности регулировать свое поведение. Вследствие этого, при разработке определений «насильственного экстремизма» на национальном уровне государства должны убедиться, что данные дефиниции не являются расплывчатыми или двусмысленными и содержат достаточные критерии для четкого выявления рассматриваемого понятия.

На деле, обращаясь к следующему критерию — преследованию легитимной цели, следует помнить, что статья 19 Пакта содержит закрытый перечень правомерных целей, к которым, в том числе, относится национальная безопасность. Однако тот факт, что насильственный экстремизм как феномен представляет угрозу международному миру и безопасности, еще не значит что любое ограничение свободы выражения мнения под предлогом «борьбы с насильственным экстремизмом» будет соответствовать легитимной цели защиты национальной безопасности. В частности, в соответствии с Йоханнесбургскими принципами, государство может ссылаться на «национальную безопасность» лишь в случае наличия прямой и непосредственной связи между высказыванием, призывающим к насильственным действиям, и вероятностью или возникновением таких насильственных действий. Помимо этого, даже в случае установления указанной связи, вводимое государством ограничение должно учитывать принцип пропорциональности и являться наименьшей возможной ограничительной мерой для защиты рассматриваемого интереса.

Таким образом, несмотря на отсутствие универсального понимания насильственного экстремизма, международное право предоставляет определенную «рамочную структуру», которой государства должны руководствоваться при реализации национальной политики, включающую в себя следующие основополагающие элементы:

- // Политика государств должна быть направлена на предупреждение насильственного экстремизма, ведущего к терроризму.
- // В целях противодействия насильственному экстремизму государства должны, в первую очередь, реализовать систематические превентивные меры, направленные на устранение факторов, порождающих экстремизм.
- // Любые «антиэкстремистские» меры должны находиться в строгом соответствии с международными обязательствами государств в сфере уважения, обеспечения и защиты прав и свобод человека.

Часть 2. Беларусь и экстремизм

Глава 1. Концепция «экстремизма» в белорусском законодательстве

Прежде чем обратиться к национальному законодательному регулированию в сфере «антиэкстремистской политики», необходимо уделить отдельное внимание некоторым международным обязательствам Республики Беларусь. В частности— речь идет о международных договорах в рамках Шанхайской организации сотрудничества (далее также— ШОС), посвященных «борьбе» с экстремизмом.

Международные договоры ШОС и «экстремизм»

В июле 2023 года Беларусь официально присоединилась к ряду международных договоров в рамках ШОС, среди которых в контексте настоящего доклада следует остановиться на [Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2006 года](#), а также [Конвенции ШОС по противодействию экстремизму 2017 года](#). Как уже было замечено ранее, на международной арене отсутствуют какие-либо универсальные договоры, затрагивающие вопрос экстремизма, однако упомянутые Конвенции ШОС можно рассмотреть в качестве международных договоров регионального характера.

В первую очередь, следует отметить, что обе Конвенции следует «читать» в совокупности, так как более поздняя из них дополняет понимание экстремизма, разработанного ранее. В соответствии с Конвенцией ШОС 2017 года:

«экстремизм» — идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий.

Можно заметить, что, во-первых, Конвенция использует термин «экстремизм», а не насильственный экстремизм. Наоборот, по сравнению с Шанхайской конвенцией 2006 года, в которой экстремизм определялся исключительно через призму насильственных действий, новая дефиниция расширяет понимание данного явления до «иных антиконституционных действий», тем самым подразумевая и ненасильственные действия. К тому же, Конвенция 2017 года содержит довольно широкий перечень «экстремистских актов», к которым относится, в том числе, публичный призыв к совершению экстремистских актов. Следует учесть, что указанный «экстремистский акт» должен преследоваться странами-участницами в уголовном порядке. Принимая во внимание, что Конвенция криминализует выражения мнения, не устанавливая обязательность установление связи между «призывом» и риском возникновения насилия, возникают очень сильные сомнения относительно совместимости ее положений

с обязательствами государств по уважению свободы слова в соответствии с Пактом.

Впрочем, даже подобное определение «экстремизма», предусмотренное Конвенцией ШОС 2017 года, никак не ограничивает государство в контексте принятия еще более расплывчатого определения на национальном уровне. Дело в том, что п. 2 ст. 1 прямо провозглашает, что определения, предусмотренные Конвенцией, «не наносят ущерба какому-либо ... национальному законодательству, которое содержит.. положение о более широком применении терминов и понятий, используемых в настоящей статье». Следовательно, факт присоединения Беларуси к настоящим Конвенциям не обязывает Беларусь привести национальное определение «экстремизма» до тех пределов, которые очерчены международным договором. С другой же стороны, нельзя не подчеркнуть негативный характер того обстоятельства, что теперь расплывчатое определение экстремизма в рамках ШОС все равно «официально» является для Беларуси тем международным стандартом, которому она обязалась следовать (шире — можно, а «уже» — нельзя).

Закон «О противодействии экстремизму»

Еще с 2007 года в Беларуси действует закон [«О противодействии экстремизму»](#), служащий отправной точкой в правовой регламентации «антиэкстремистской» политики государства. Приступая к анализу данного правового акта, нельзя не обратить внимание, что в законе отражены цели его принятия, среди которых никаких не упоминается предотвращение терроризма. В данном контексте следует напомнить, что в соответствии с международно-правовой рамкой, государствам следует рассматривать экстремизм исключительно через призму его связи с террористической деятельностью.

Более того, несмотря на тот факт, что статья 3 закрепляет принцип «признания, соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов граждан», в ней также содержится принцип «приоритета обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь». Указанная формулировка может вызывать некоторую обеспокоенность, в связи с тем, что, как уже было отмечено ранее, рассмотрение «национальной безопасности» в качестве более приоритетной задачи, чем права человека, создает высокий риск последующих злоупотреблений «антиэкстремистской» политикой.

Тем не менее, нельзя не обратить внимание, что среди основополагающих принципов деятельности указан «приоритет профилактики правонарушений, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих экстремистской деятельности». Учитывая тот факт, что международно-правовая рамка устанавливает преобладающее значение превентивных мер, направленных на устранение факторов, порождающих экстремизм, регламентация

упомянутого принципа имеет положительный характер. Однако, несмотря на данную регламентацию, в ходе дальнейшего изучения текста закона можно обнаружить, что в нем фактически не раскрывается тематика профилактических мер. Напротив, ключевым фокусом «антиэкстремистской» политики выступают меры противодействия экстремизму, в большей степени связанные с вопросом ответственности за экстремистскую деятельность.

Дефиниция «экстремизма»

Разумеется, ключевым предметом анализа данного закона выступает определение «экстремизма», содержащееся в статье 1. Пренебрегая некоторыми техническими деталями, в соответствии с указанной статьей экстремизм представляет собой:

«деятельность по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность».

Итак, можно обнаружить, что помимо использования термина «экстремизм» вместо «насильственного экстремизма», сама дефиниция экстремизма включает чрезмерно широкие и расплывчатые понятия, при отсутствии хоть какого-либо упоминания связи с насильственными действиями. Фактически данная дефиниция не содержит ограничительной рамки, равно как и руководящих указаний, которые могли бы обеспечить ее согласованное и последовательное применение, а также сформировать понимание у граждан границ допустимого. В данном отношении представляется любопытным, что Конституционный суд Республики Беларусь, [оценивая](#) конституционность обновленной редакции закона «О противодействии экстремизму» 2021 года, ссылается на экстремизм как на «идеологию и практику нетерпимости о ненависти, допускающим использование крайних мер для достижения противоправных целей». При всем несовершенстве такого понятия, оно, как минимум, упоминает критерии «ненависти и нетерпимости» и «использования крайних мер» (что может служить хотя бы отдаленной ссылкой на насилие). Однако, даже не смотря на упоминание более ограничительного понимания экстремизма, Конституционный суд все равно не находит каких-либо противоречий между Конституцией и анализируемым законом.

Определение «экстремизма», закрепленное законом, также включает в себя длинный перечень актов, который в большинстве своем состоит из насильственных действий. В первую очередь, следует обратить внимание, что указанный перечень включает целый ряд действий, напрямую связанных с реализацией свободы выражения мнения (дискредитация Республики Беларусь, оскорбление представителей власти, разжигание вражды, пропаганда исключительности, превосходства или неполноценности, распространение

экстремистских материалов и публичные призывы к незаконным митингам). По сути, квалификация указанных деяний не подразумевает установление причинно-следственной связи между высказыванием и последующим насилием.

Помимо этого, нельзя не обратить внимание, что квалификация таких терминов как «экстремистская организация/формирование» и «экстремистские материалы» неизбежно отсылает к понятию «экстремизма», которое, как было отмечено ранее, не содержит вразумительного определения. Как следствие, упомянутые термины, равно как и экстремизм, сохраняют чрезмерно широкие определения, что само по себе противоречит критерию «законности», установленному статьей 19 Пакта, что, в свою очередь, порождает высочайший риск нарушения свободы выражения мнения.

Таким образом, закон «О противодействии экстремизму» базируется на понимании экстремизма, в корне отличающегося от концепции насильственного экстремизма, существующей в международном праве, параллельно с этим вступая в противоречие с международными стандартами свободы выражения мнения. Проведенный анализ, в свою очередь, позволяет прийти к выводу, что данный закон фактически предоставляет государству карт-бланш в отношении применения «антиэкстремистских мер» в любых «политических» целях.

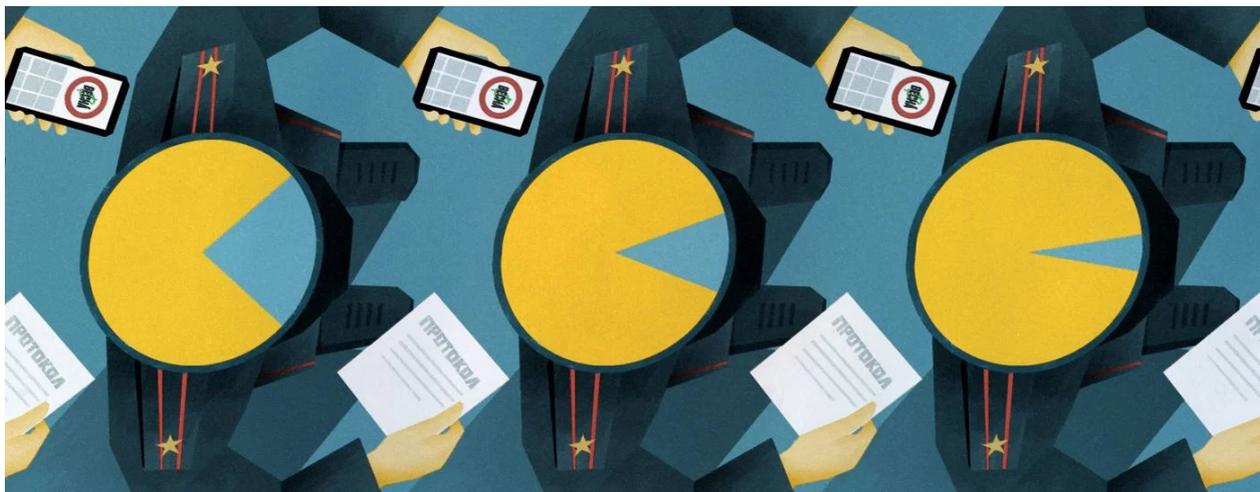

Иллюстрация
Мария Толстова / Медиазона

Глава 2. Практика применения «антиэкстремистских» мер по отношению к медиа, журналистам и их аудитории

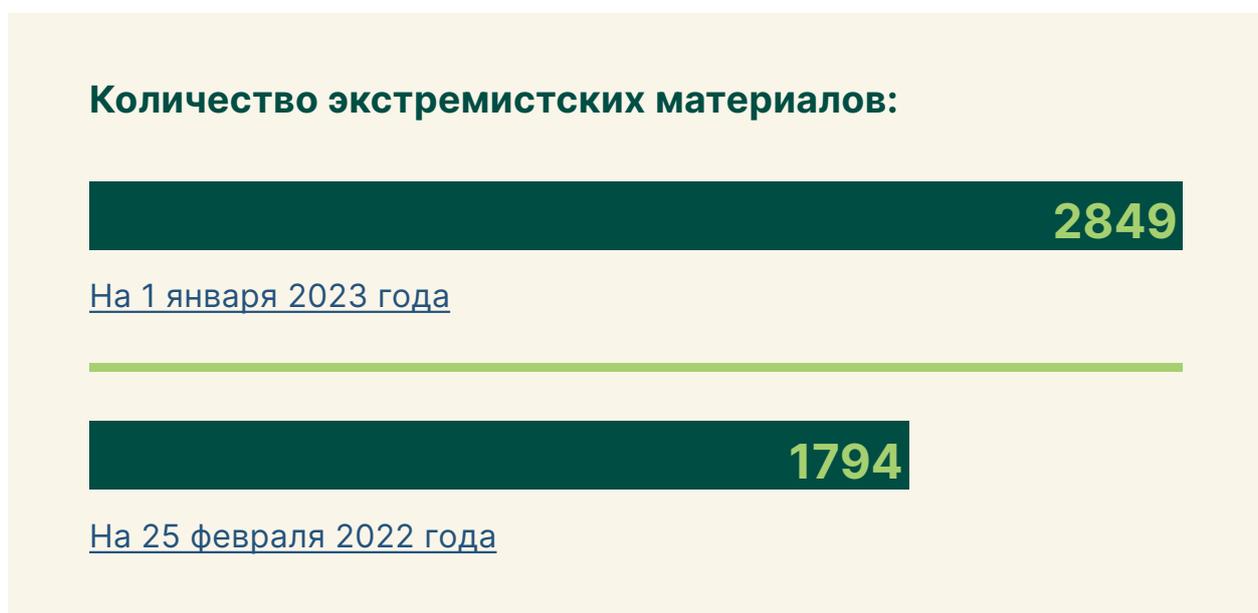
Беларусское законодательство предусматривает ряд механизмов для борьбы с «экстремизмом», которые используются в том числе для преследования независимых медиа, их читателей и взаимодействующих с ними иным образом лиц:

1. // Признание информационной продукции СМИ «экстремистскими материалами».
2. // Признание медиа и медиаорганизации «экстремистскими формированиями».
3. // Привлечение к уголовной ответственности за «экстремистскую деятельность».
4. // Внесение в перечни лиц, причастных к «экстремистской» и «террористической» деятельности с последующим ограничением в правах.

Ниже мы подробно остановимся на специфике каждого из механизмов — и последствиях их применения для независимых медиа, их представителей и аудитории.

1. Статус «экстремистских материалов»

«Проведение экспертизы по материалам нецелесообразно в связи с очевидностью высказываний».

Инфографика

Первая составляющая «антиэкстремистской» политики — признание ресурсов СМИ «экстремистскими материалами» и их блокировка, предоставляющая возможность для привлечения других распространителей и потребителей контента данного СМИ к административной ответственности, а также последующего запрета на деятельность самого СМИ.

За первое полугодие 2023 года «экстремистскими» были признаны около [700 материалов](#). Только за июль-сентябрь 2023 г. список «экстремистских материалов» [пополнили](#) ресурсы **как минимум десяти СМИ**. Блокируются сайты-«зеркала» интернет-СМИ, аккаунты во всех социальных сетях, любые публичные страницы — на основании обнаружения «признаков экстремизма» в единичных, отдельных материалах полностью перекрывается доступ к средству массовой информации и его продукции. Возможность подобных масштабов преследования — результат нижеприведенного правового регулирования и произвольной правоприменительной практики.

А. Определение «экстремистских материалов»

В соответствии с Законом «О противодействии экстремизму»:

«экстремистские материалы» представляют собой символику, атрибутику, информационную продукцию, которые предназначены для публичной демонстрации, использования или распространения — или уже были распространены «в целях вовлечения в экстремистскую деятельность и ее пропаганды».

Во-первых, формулировки Закона и уточняющего его Положения о порядке проведения оценки символики, атрибутики, информационной продукции (далее — Положение об оценке¹) в совокупности покрывают **все возможные формы выражения мнений**, включая текстовые, видео- и аудиоматериалы, изображения, чат-боты и целые сайты — включая логотипы, водяные знаки и названия СМИ, портреты лиц, осужденных по «экстремистским» статьям. Во-вторых, как отмечалось выше, Закон использует уязвимое для произвольного толкования понятие «экстремистской деятельности», что сразу поднимает вопрос о соответствии регулирования вопроса о признании «экстремистскими материалами» критерию «законности», установленному статьей 19 Пакта. На изначально широкое и абстрактное определение «экстремистской деятельности» наслаиваются дополнительные широкие понятия («пропаганда экстремистской деятельности»), требующие четких критериев оценки во избежание произвольного ограничения свободы выражения мнений. Подобные критерии в законодательстве не предусмотрены.

! Понятие «экстремистских материалов» в существующем виде не соответствует требованию ясности и предсказуемости регулирования: четко определить, продукция с каким содержанием может быть признана «экстремистской», не представляется возможным.

В. «Противодействие пропаганде экстремизма и распространению экстремистских материалов»

¹ Утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12.10.2021 N 575

i. Противодействие распространению материалов, которые еще не признаны «экстремистскими»:

Закон «О противодействии экстремизму» предусматривает меры по борьбе с потенциально опасной продукцией, которая еще не признана «экстремистскими материалами», но содержит «призывы к экстремистской деятельности или ее пропаганду»². Субъекты противодействия экстремизму (перечислены в ст. 6 Закона; к ним, в числе прочих, относятся органы внутренних дел и государственной безопасности, органы прокуратуры, Следственный комитет) уполномочены³ изымать и арестовывать такие материалы, при этом отсутствуют четкие критерии оценки, обосновывающие применение подобных мер к информационной продукции до констатации экспертами ее «экстремистского» характера. Важно отметить, что в случае цифровых СМИ закон предусматривает возможность блокировки интернет-ресурса по постановлению Генерального прокурора, прокурора области, города Минска на таких же основаниях⁴—следовательно, доступ к Интернет-ресурсу целиком может ограничиваться во внесудебном порядке на основании решения прокурора о наличии на данном ресурсе материалов, которые прокурор считает содержащими призывы к экстремистской деятельности или ее пропаганду—еще до судебного разбирательства о признании материалов «экстремистскими».

Владелец ресурса уведомляется о блокировке постфактум⁵, принять участие в принятии решения об ограничении доступа к ресурсу не имеет возможности; сам список заблокированных идентификаторов закрыт для общественности, доступ к нему имеет⁶ ограниченное количество уполномоченных государственных органов и новостные агрегаторы.

В связи с этим следует напомнить о [заявлении](#) Специального докладчика по вопросу о свободе мнений и их свободном выражении, согласно которому—практикуя блокировку ресурсов,

«государство с высокой вероятностью нарушает свои обязательства ввиду недостаточно четкого регулирования (а также отсутствия процедуры, взвешивающей интересы всех сторон, и последующего судебного контроля), несоответствия данной меры легитимным целям ограничения права и ее непропорциональность».

Блокировка целых сайтов неоднократно признавалась чрезмерной мерой, а при

2 Ст. 19 Закона Республики Беларусь от 04.01.2007 N 203-3 «О противодействии экстремизму»

3 Ст. 19 Закона Республики Беларусь от 04.01.2007 N 203-3 «О противодействии экстремизму»

4 Ст. 51-1 Закона Республики Беларусь от 17.07.2008 N 427-3 «О средствах массовой информации»

5 П. 6, 8 Положения о порядке ограничения (возобновления) доступа к интернет-ресурсу, сетевому изданию, новостному агрегатору, утвержденного Постановлением Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства связи и информатизации Республики Беларусь, Министерства информации Республики Беларусь от 03.10.2018 N 8/10/6

6 Там же.

отсутствии должной процедуры она однозначно противоречит⁷ обязательствам государства в области свободы выражения мнений.

! Существующая внесудебная процедура блокировки ресурсов, которые прокурор считает распространяющими призывы к «экстремистской деятельности» или пропаганду таковой, является произвольной и противоречит стандартам свободы выражения мнений.

Иллюстрация
Мария Толстова / Медиазона

ii. Процедура признания материалов «экстремистскими»:

Беларусский законодатель не считает установление «экстремистского» характера материалов вопросом, в котором у представителей СМИ есть законные права и интересы, подлежащие защите с соблюдением всех присущих искро-вому производству процессуальных гарантий: закон прямо предусматривает процедуру признания в рамках нацеленного на установление фактов особого производства, участниками которого обычно выступают заявитель (в данном случае — «субъекты противодействия экстремизму», представляющие интересы государства) и заинтересованные лица (в случае привлечения последних к делу⁸).

На практике, владельцы ресурсов, авторы материалов, которые признаются «экстремистскими», как правило, не имеют возможности принять участие в разбирательстве: суды проходят в закрытом режиме, владельцы ресурсов не уведомляются о процессе. Отсутствие возможности быть привлеченным к делу в качестве заинтересованного лица сводит на нет возможность обжалования решения о признании материалов «экстремистскими». Известно, что в процессах о признании материалов «экстремистскими» суды

⁷ См. Совместную декларацию о свободе выражения мнения, а также «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде, п. 1-f (<https://www.osce.org/files/f/documents/f/2/302806.pdf>), а также решение Европейского суда по правам человека по делу OOO Flavius and Others v. Russia, в котором Суд, среди прочего, ссылается по данному вопросу на практику Комитета по правам человека.

⁸ Ст. 362 Кодекс Республики Беларусь от 11.01.1999 N 238-3 «Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь».

допускают немедленное исполнение решения в соответствии со ст. 314 ГПК «с целью принятия дополнительных мер противодействия экстремизму». При этом международные стандарты прав человека диктуют необходимость рассмотрения «экстремистских дел» независимыми судами в рамках исковой процедуры с соблюдением необходимых гарантий, включая равенство и состязательность сторон.

Исходя из анализа доступных решений, суды не проводят самостоятельную оценку материалов, преимущественно полагаясь на заключение соответствующей⁹ комиссии по проведению оценки символики, атрибутики, информационной продукции, которое становится решающим фактором в деле.

Заключения самих комиссий (состав которых включает и представителей органов внутренних дел¹⁰) затруднительно назвать средствами доказывания в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом, в частности, ввиду ограниченного круга лиц, которые могут обращаться к комиссиям и обжаловать их решения, а также отсутствия гарантий соблюдения процессуальных прав заинтересованных лиц в связи с проведением экспертизы. Положения о деятельности комиссий предусматривают возможность участия исключительно для представителей государственных органов, подавших обращение. Учитывая, что само определение «экстремизма» содержит в себе аспект намерения (см. ст. 1 Закона «О противодействии экстремизму»: речь идет о деятельности... по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств...), затруднительно сделать вывод о том, что «экстремистский» характер материалов может быть установлен без участия представителей СМИ, оценки более широкого контекста высказывания, и так далее.

Представители СМИ также не могут обжаловать заключения комиссий — такая возможность предусмотрена исключительно для органов, подавших обращение. Непроведение судами самостоятельного рассмотрения вопроса об «экстремистском» характере материалов дополнительно нарушает права авторов и распространителей контента на справедливое судебное разбирательство: все вопросы о праве должны разрешаться судом¹¹, недопустимо основывать решение суда в подобных вопросах исключительно на выводах экспертов. Кроме того, обнаружив проявление «экстремизма» даже в одной публикации, суд признает «экстремистским материалом» целиком весь интернет-ресурс. Подобная практика неоднократно признавалась Европейским судом по правам человека нарушением свободы выражения мнений в виду непропорциональности подобных мер.

9 п. 3, 4 Положения о порядке ограничения (возобновления) доступа к интернет-ресурсу, сетевому изданию, новостному агрегатору, утвержденного Постановлением Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства связи и информатизации Республики Беларусь, Министерства информации Республики Беларусь от 03.10.2018 N 8/10/6.

10 См. состав изучающей наиболее сложные объекты оценки Республиканской комиссии в Положении о порядке ограничения (возобновления) доступа к интернет-ресурсу, сетевому изданию, новостному агрегатору, утвержденного Постановлением Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства связи и информатизации Республики Беларусь, Министерства информации Республики Беларусь от 03.10.2018 N 8/10/6

11 См. релевантное с точки зрения обстоятельств дела решение Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в деле case of Mariya Alekhina and Others v. Russia (п. 262).

Данный пример заключения экспертной комиссии, обнаружившей признаки «экстремизма» в книге «Белорусская национальная идея», хорошо иллюстрирует нынешнюю практику: выводы комиссий представляют собой лишь утверждение о наличии признаков «экстремизма» в определенных материалах в отсутствие четкого определения самих «признаков» и уточнения связи между признаками и содержанием материалов.

! Процедура признания материалов «экстремистскими» в существующем виде противоречит предписаниям международных стандартов прав человека о «законности» вмешательства (не является прозрачной и предсказуемой, игнорирует содержание оцениваемых материалов, не предоставляет заинтересованным лицам адекватные средства правовой защиты от произвольных действий контролирующих органов).

! В процессе признания нарушаются права представителей СМИ, в числе прочего, на справедливое судебное разбирательство (признание осуществляется по ускоренной процедуре, значительно затрудняющей их участие в деле и последующее обжалование решения).

С. Последствия признания материалов «экстремистскими»

Ст. 19 Закона «О противодействии экстремизму» запрещает распространение, публичную демонстрацию, а также совершаемые с целью распространения изготовление, издание, хранение и перевозку «экстремистских материалов». Привлечение к ответственности за нарушение данного запрета обеспечивается через преследование по ст. 19.11 Кодекса об административных правонарушениях (далее — КоАП). «Распространение, изготовление, хранение, перевозка информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность». Примечательно, что, несмотря на регламентацию требования о наличии намерения распространения при изготовлении, хранении или перевозке — на практике это требование не соблюдается; отсутствие необходимости констатировать вышеупомянутую цель приводит к **фактическому запрету любых действий** с «экстремистскими материалами».

i. Признание материалов «экстремистскими» — препятствие для деятельности СМИ

Во-первых, признание ресурса «экстремистскими материалами» неизбежно ведет к его блокировке — в случае, если он не был заблокирован еще до судебного разбирательства (что является частой практикой).

Во-вторых, важно понимать, что признание «экстремистскими материалами» ресурсов крупнейших СМИ, продукция которых так или иначе активно использовалась другими медиа, создало возможность для системного

преследования независимых СМИ. [Признание](#) ресурсов «Белсат» «экстремистскими материалами» в июле, а TUT.BY и Zerkalo.io — в августе 2021 года создало для большинства независимых СМИ угрозу блокировки (см. пункт В-і) и (или) привлечения к административной ответственности за распространение «экстремистских материалов». Подобное преследование действительно имеет место (см. [пример](#) ограничения доступа к portalу «Медиа-Полесье», [изданиям](#) Deutsche Welle, «Настоящее время», «Новы Час» за распространение иллюстраций или гиперссылок, отсылающих к ресурсам, которые ранее были признаны «экстремистскими»).

Поскольку к «экстремистским материалам» относятся в том числе упоминания названий отдельных СМИ (к примеру — «Белсат»), распространение таких материалов включает и необходимую для соблюдения требований авторских прав отметку СМИ, которому принадлежит используемый материал. Само изображение, как и публикация, в которой она содержится, могут не иметь ничего общего с «признаками экстремизма» даже в толковании вышеупомянутых комиссий, однако визуальное упоминание «экстремистского» ресурса делает возможным наделение упоминающего аналогичным статусом.

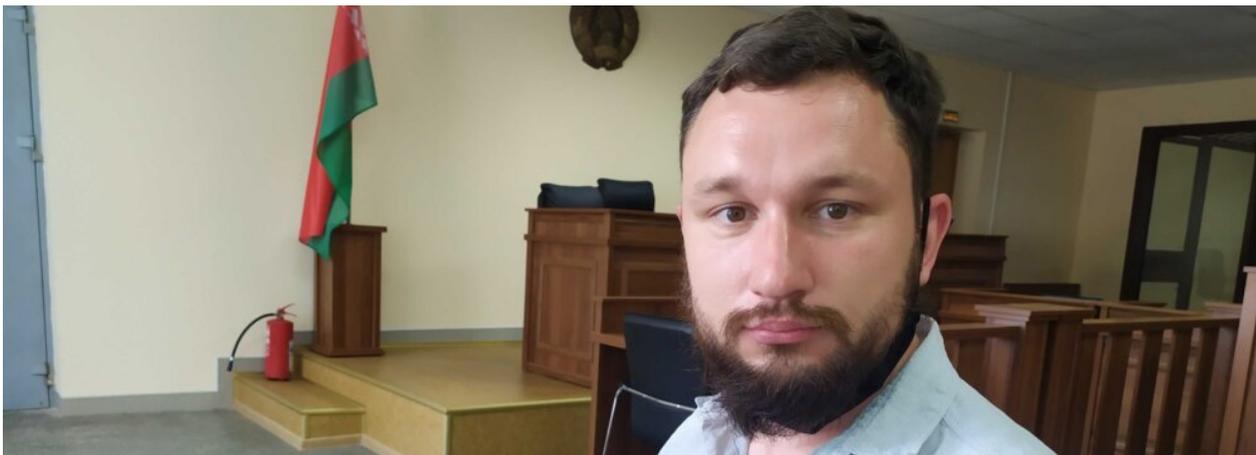
Подобные практики становятся возможными, в том числе, из-за наделения норм «антиэкстремистского законодательства» — включая ст. 19.11 КоАП — обратной силой: распространением «экстремистских материалов» считаются репосты и ссылки, сделанные задолго до признания соответствующего ресурса «экстремистским». В 2023 году указанная практика [начала распространяться](#) на статьи в печатных изданиях (некоторые из них были опубликованы десятки лет назад). Применение ухудшающих положение граждан норм с обратной силой грубо нарушает как национальное законодательство¹², так и международные обязательства Беларуси: в описанных условиях затруднительно говорить о соответствии мер, ограничивающих свободу выражения мнений, критерию «законности».

Преследование регионального СМИ Hrodna.life — один из примеров оказания давления на независимое медиа вплоть до ликвидации организации через использование механизма признания продукции СМИ «экстремистской»:

В марте 2021 г. главный редактор медиа был [оштрафован](#) за распространение «экстремистских материалов» (речь шла о ресурсах, которые на момент публикации не были внесены в соответствующий список). Впоследствии владельцу сайта и редактору СМИ [присудили](#) еще два штрафа за ошибочно размещенное фото, которое было удалено в течение нескольких часов. В июле 2021 года суд Ленинского района Гродно [признал](#) Telegram-канал СМИ «экстремистскими материалами», поскольку на канале [были обнаружены](#) разжигающие вражду и рознь сообщения — при этом сами сообщения были оставлены

12 Ст. 104 «Конституция Республики Беларусь 1994 года»

не администрацией канала, а комментаторами (главному редактору Алексею Шоте удалось принять участие в судебном процессе — при этом возможность ознакомиться с материалами дела появилась лишь за сутки до самого заседания; Алексей также запрашивал перерыв процесса для возможности обжаловать заключение комиссии по оценке ([сообщается](#), что в самом заключении так и не был обнаружен внятный ответ эксперта на вопрос о наличии в оцениваемой информационной продукции призывов к экстремистской деятельности или ее пропаганды); жалоба не была рассмотрена по существу, ходатайство о перерыве также не было удовлетворено).

Алексей Шота, главный редактор Hrodna.life, в суде. Гродно, 18 июня 2021 год / Белаяпан

В августе 2021 г. суд [ликвидировал](#) организацию ООО «Гродно Лайф Медиа» — поводом для ликвидации стали два вышеупомянутых случая привлечения сотрудников СМИ к административной ответственности.

ii. Признание материалов «экстремистскими» влечет риски для потребителей контента

Ст. 19.11 КоАП применяется и к аудитории СМИ, продолжающей читать признанные «экстремистскими материалами» ресурсы, делиться ими и обсуждать их.

Как уже отмечалось, на практике суды не устанавливают важный для квалификации деяний по данной статье аспект намерения: так, презюмируется, что обнаруженные в мобильном устройстве ссылки на признанные «экстремистскими материалами» СМИ хранятся именно с целью дальнейшего распространения. Согласно высказываниям представителей правоохранительных органов, подписка на «экстремистские» ресурсы формально не является основанием для привлечения к ответственности — однако они же [отмечают](#), игнорируя основополагающий принцип презумпции невиновности: «формальное отсутствие состава — не повод игнорировать нарушителя».

Практика применения одних и тех же норм, и так подвергающихся произвольному толкованию, меняется, что не добавляет всему регулированию предсказуемости,

позволяющей людям соотносить свое поведение с «антиэкстремистским» законодательством. Так, в отличие от периода 2021—2022 годов, [в настоящее время](#) подписка на «экстремистский» ресурс также является основанием для привлечения к административной ответственности.

Само «распространение» материалов на практике также [включает](#) в себя широкий спектр действий, включая лайки под «запрещенными» публикациями, пересылку в частной переписке, вставку гиперссылок на «экстремистские» ресурсы, публикацию фотографий с водяными знаками «экстремистских» ресурсов. **Обратная сила закона работает и применительно к потребителям контента** (см. [пример](#) административного преследования за «лайк» и репост публикации «Радио Свобода», датированной 2016 годом—за 5 лет до того, как ресурс был признан «экстремистским материалом»).

В целом, с начала 2023 года [наблюдается](#) резкий рост количества случаев привлечения к [ответственности](#) по статье 19.11 КоАП (при этом суды [все чаще](#) наказывают людей не штрафами, а административными арестами с [конфискацией](#) личной техники, зачастую—[оформляя](#) каждый репост как отдельное административное правонарушение, что позволяет привлекать к ответственности фактически неограниченное количество раз).

Статья 19.11 КоАП

(«распространение, изготовление, хранение, перевозка информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность»)

Период июнь-сентябрь 2023

минимум

184

задержанных

Период июль-сентябрь 2023

659

осужденных

Инфографика

Данная статья стала удобным инструментом преследования, учитывая, что распространение продукции фактически всех основных СМИ запрещено, а само «распространение» толкуется произвольно-широко и не имеет срока давности. Подобные практики создают атмосферу запугивания, в которой население опасается не только комментировать публикации независимых ресурсов, публично обсуждать их и делиться ими, но и просто читать их на своем устройстве.

См. [пример](#) привлечения к административной ответственности за «распространение» экстремистских материалов посредством демонстрации сотруднику милиции (по требованию последнего) мобильного приложения СМИ Zerkalo.io, а также демонстрирующий отсутствие внимания правоприменителя к вышеупомянутой цели [пример преследования](#) по ч.2 ст. 19.11 КоАП РБ за публикацию, которую человек своевременно (после признания СМИ, логотип которого использован в публикации, «экстремистским») перенес в архив Instagram во избежание придания ей статуса «публичной».

При этом сам список «экстремистских материалов» представляет собой громоздкий, неудобный для использования документ, недоступный для отдельных групп населения (в частности, малограмотных в цифровой сфере лиц); своевременное отслеживание его изменений и уничтожение всех публичных и персональных публикаций, в той или иной форме отсылающих к «экстремистским материалам» — необоснованно тяжелое бремя как для журналистов и редакций медиа, так и для обычных читателей — не говоря о противоречивости подобных требований.

! Признание ресурсов крупнейших СМИ «экстремистскими материалами» в совокупности с произвольным (включая ретроактивность) характером преследования и необоснованно широким перечнем запрещенных к распространению объектов (включая наименования отдельных СМИ) на практике приводят к системному преследованию независимых медиаресурсов, которые используют — или использовали такие материалы в своих публикациях.

! Нормы об административной ответственности применяются произвольно, что приводит к фактическому запрету осуществления любых действий (хранение ссылок на телефоне, «лайки», комментарии, подписки, репост в приватной беседе) с «экстремистскими материалами» и грубо нарушает свободу выражения мнений потребителей контента СМИ.

Признание материалов «экстремистскими» автоматически создает препятствие для возможностей поиска, получения и распространения информации, неправомерно ограничивая свободу выражения мнений в нескольких аспектах сразу¹³. Данный механизм позволяет отслеживать и ограничивать доступ к критическим по своему содержанию высказываниям, предупреждать появление свободного публичного обсуждения ключевых для общества вопросов, вынуждает медиа и потребителей контента прибегать к самоцензуре, что недопустимо¹⁴.

13 См., среди прочих, п. 13, 23, 42 Замечания общего порядка №34: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPRiCAqhKb7yhsrdB0H1I5979OVGGb%2BWPAXiks7ivEzdmLQdosDnCG8FaGzYH6OnzWb2RXT7yJopp6wnueK3xDIZpJtsnQ4NnehKxA27tv6yxSEu56OgU0tVD>

14 См. решения ЕСПЧ по делам *Vajnai v. Hungary* (п. 54), *Altuğ Taner Akçam v. Turkey* (пп. 68-83).

2. Признание «экстремистскими формированиями»

Второй важный элемент механизма противодействия «экстремизму», используемый для преследования независимых СМИ — статус «экстремистского формирования» и его правовые последствия как для самих признаваемых субъектов, так и для тех, кто с ними взаимодействует.

D. Определение «экстремистских формирований»

Согласно Закону «О противодействии экстремизму», «экстремистское формирование» определяется через следующие квалифицирующие признаки:

- // группа граждан,
- // осуществляющая «экстремистскую деятельность»
- // либо оказывающая «иное содействие экстремистской деятельности»,
- // либо признающая возможность ее осуществления в своей деятельности,
- // либо финансирующая «экстремистскую деятельность»,
- // признанная МВД или КГБ «экстремистской».

Данная дефиниция не добавляет «антиэкстремистскому» законодательству четкости и предсказуемости, вынуждая правоприменителя опираться не только на необоснованно широкое понятие «экстремистской деятельности», но и на никак не уточняемые законодателем, уязвимые для произвольных интерпретаций понятия «иного содействия» и «признания возможности осуществления экстремистской деятельности».

Кроме того, данное определение не позволяет четко выявить круг лиц, которые принадлежат к «экстремистскому формированию», являются его участниками — и, следовательно, не позволяет понять, на кого распространяются правовые последствия наделения данным статусом (среди которых — значительное ограничение прав и уголовное преследование взаимодействующих с подобным «формированием» лиц — см. ниже). Уже на этом этапе данные несовершенства регулирования позволяют говорить о несоответствии вмешательства государства в реализацию свободы выражения мнений и свободы ассоциаций через наделение статусом «экстремистского формирования» критерию «законности».

! Определение «экстремистских формирований» также отличается расплывчатостью формулировок и не дает возможности определить, какие лица входят в состав «формирования» как такового.

Е. Признание «экстремистским формированием» и возможность обжалования

Закон закрепляет **внесудебный порядок** наделения группы граждан данным статусом. В отличие от зарегистрированных в установленном порядке на территории Беларуси организаций, деятельность которых запрещается судом (так было признано «экстремистским» ООО «ТУТ БАЙ МЕДИА»), в отношении иных «групп граждан» решения о признании «экстремистским формированием» и запрете деятельности уполномочены принимать МВД и КГБ.

В то время, как процедура признания «экстремистскими материалами» хотя бы формально включает в себя возможность получения заключения экспертов и рассмотрение вопроса судом, данная процедура является абсолютно произвольной. Критерии, которыми руководствуются МВД и КГБ при принятии решений, неизвестны — согласно ст. 15 Закона данные органы уполномочены выявлять в действиях групп граждан признаки, свидетельствующие об осуществлении вышеупомянутой деятельности. Поскольку соответствующие решения не публикуются и не доводятся до сведения самих групп граждан, признаваемых «экстремистскими формированиями», возможность узнать об основаниях, по которым им был присвоен подобный статус, также отсутствует. Единственным официальным источником информации является вкладка «О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма» в новостях о деятельности МВД Республики Беларусь, на которой размещается обновляемый МВД Перечень организаций, формирований, индивидуальных предпринимателей, причастных к экстремистской деятельности. Принятие подобных решений во внесудебном порядке, в отсутствие четко очерченного перечня ситуаций, в которых уполномочены действовать контролирующие органы, а также каких-либо гарантий, защищающих граждан от произвольных действий со стороны таких органов, не позволяет говорить о соответствии такого вмешательства «предсказуемому и четкому регулированию», а значит — его неправомерности¹⁵.

Ст. 15 Закона предусматривает возможность обжалования решения в МВД или суд, однако воспользоваться правом подачи жалобы затруднительно как минимум по причине отсутствия механизма получения информации об основаниях для включения конкретной группы граждан в Перечень. Кроме того, закон позволяет обновлять Перечень в течение пяти рабочих дней со дня принятия решения; на практике порой проходит как минимум неделя, прежде чем лица, которых решение касается непосредственно, узнают о его вынесении — при этом на обжалование отведен месяц с момента вынесения решения.

! Неопределенные «группы граждан» на не поддающихся четкому определению основаниях признаются «экстремистскими формированиями» вследствие

¹⁵ См. решения ЕСПЧ по делам *Karastelev and Others v. Russia* (n. 79): <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-204835>, *Taganrog LRO and Others v. Russia* (n. 159, 242)

непрозрачной, произвольной внесудебной процедуры, в отсутствие даже формального требования оценки их деятельности экспертами и независимым судом;

! Права затронутых лиц дополнительно нарушаются отсутствием предусмотренного законом своевременного доступа к информации о процедуре, включая основания для преследования, а также эффективного средства правовой защиты.

Ф. Практика признания СМИ «экстремистскими формированиями»

В течение 2022—2023 годов были признаны «экстремистскими формированиями» или «экстремистскими организациями» как минимум **19 СМИ**, а также Белорусская ассоциация журналистов и Белорусский расследовательский центр. В Перечне организаций, формирований, индивидуальных предпринимателей, причастных к экстремистской деятельности теперь находятся как крупнейшие белорусские СМИ, так и «самиздат», а также региональные издания. К данному перечню применима обеспокоенность относительно его доступности для населения (см. пункт С-ii).

Наделение СМИ статусом «экстремистского формирования» открывает путь для применения мер по противодействию их деятельности, включающих уголовное преследование по следующим основаниям:

- // ст. 361-1 УК («Создание экстремистского формирования либо участие в нем» предусматривает вплоть до десяти лет лишения свободы),
- // ст. 361-2 УК («Финансирование экстремистской деятельности», предусматривает до восьми лет лишения свободы),
- // ст. 361-4 УК («Содействие экстремистской деятельности», предусматривает до семи лет лишения свободы).

Все перечисленные статьи [активно используются](#) для создания препятствий для деятельности независимых СМИ, преследования взаимодействующих с ними лиц и читателей. Каждая из них, как и в случае с преследованием за взаимодействие с «экстремистскими материалами», [может иметь](#) обратную силу.

Кроме того, одним из последствий, затрагивающих физические и юридические лица, причисляемые к участникам (собственникам имущества) «экстремистской организации», является **запрет на учреждение СМИ** в течение пяти лет со дня вступления в решения суда о ликвидации «экстремистской организации»¹⁶.

16 Ст. 10 Закона Республики Беларусь от 17.07.2008 N 427-3 «О средствах массовой информации»

i. Практика преследования журналистов по ст. 361-1 УК («Создание экстремистского формирования либо участие в нем»)

Ретроспективное применение данной статьи позволяет, в частности, преследовать бывших сотрудников и лиц, которые взаимодействовали со СМИ до признания его «экстремистским формированием».

Яркий пример применения данного механизма — преследование независимого информационного агентства «БелаПАН».

В августе 2021 года в рамках расследования уголовного дела по ст. 342 УК¹⁷ в офисе агентства и домах сотрудников были проведены обыски; была изъята техника, заблокированы сайты агентства, задержаны отдельные журналисты. 1 ноября 2021 г. КГБ [вынес](#) решение о признании «группы граждан из числа сотрудников информационного агентства ЗАО БелаПАН» «экстремистским формированием» и запрете её деятельности (при этом в соответствующем перечне информация о данном решении КГБ [не появлялась](#) еще как минимум неделю). Поскольку формулировки соответствующего Перечня — единственный источник информации о круге лиц, которых теперь затрагивает статус «экстремистского формирования», из вышесказанного логично было бы предположить, что потенциальное уголовное преследование может затронуть лишь действующих сотрудников агентства относительно их деятельности после признания «экстремистским формированием».

И. Злобина, А. Александров, И. Левшина и Д. Новожилов на суде. Минск, 6 октября 2022 года / СБ. Беларусь сегодня

Тем не менее, директору агентства Ирине Левшиной, бывшему директору Дмитрию Новожилову, а также Андрею Александрову (на момент своего задержания — бывший сотрудник БелаПАН), изначально задержанным по другим статьям УК, среди других, предъявляют впоследствии обвинение по ст. 361-1 УК. Общий правовой дефолт отражается на подобных процессах, в числе прочего, дисбалансом в освещении происходящего: в то время, как адвокаты

¹⁷ «Организация и подготовка действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них»

обвиняемых находятся под подпиской о неразглашении (данный инструмент часто используется для произвольного ограничения доступа к информации о деле), Следственный комитет публикует свою версию происходящего. Исходя из нее, суть претензий к информационному агентству как таковому — «скрытое финансирование [его деятельности] иностранными организациями», а также «создание YouTube-канала, специализирующегося на укреплении деструктивного и экстремистского настроения в стране, а также дискредитации Республики Беларусь на международной арене». Что в данных обвинениях обосновывает признание всего агентства «экстремистским формированием», а бывших его сотрудников — «участниками» данного формирования, компетентные органы не проясняют.

См. аналогичные истории преследования Ирины Славниковой, Андрея Кузнецика — ресурсы, в сотрудничестве с которыми их обвинили, были признаны «экстремистскими формированиями» уже после задержания журналистов.

Подобное преследование журналистов и бывших сотрудников СМИ подсвечивает комплексную проблему «антиэкстремистского законодательства»:

- // Во-первых, определение «экстремистского формирования», широкое и нечеткое само по себе, основывается на дефиниции в равной степени размытой «экстремистской деятельности», что в совокупности с обратной силой закона ведет к невозможности предсказать, какие действия (и в какие промежутки времени совершенные) могут подпадать под соответствующие статьи — и ставят под вопрос возможность (ретроспективного) осознания лицом своей причастности а) к осуществлению «экстремистской деятельности», и, тем более — б) к «экстремистскому формированию».
- // Во-вторых, тем не менее, в правоприменительной практике игнорируется необходимость установления намерения, которое гипотетически могло бы сузить круг преследуемых лиц, что делает процедуру объединения лиц в «группы», предположительно связанные с «экстремизмом», совершенно произвольной.

В 2023 году практика признания СМИ «экстремистскими формированиями» лишь расширяется. Исходя из недавних примеров преследования, данный инструмент используется все чаще, все меньше времени проходит между признанием СМИ «экстремистским формированием» и задержанием журналистов и сотрудничавших с ним лиц. В частности, показательны ситуации телеканала «Ранак» и нижеперечисленных могилевских медиа.

Согласно источникам правозащитников, давление на «Ранак» мог спровоцировать сюжет о чрезвычайном происшествии на Светлогорском ЦКК — телекомпания осветила его первой. В июне 2023 г. были задержаны 8 сотрудников телеканала, по информации правозащитников — за подписку на «экстремистские

материалы» (при этом ресурс, на который, предположительно, были подписаны сотрудники, [отсутствует](#) в соответствующем Перечне). В течение месяца ресурсы телеканала были признаны «экстремистскими материалами». В сентябре 2023 г. телекомпанию признали «экстремистским формированием». В графе «наименование формирования <...>, ФИО участника» в соответствующем Перечне упоминается лишь «Ранак Чат», что вновь не позволяет понять, каков круг потенциальных участников этого «экстремистского формирования».

В декабре прошла очередная волна допросов и задержаний бывших сотрудников медиакомпаний. В отношении журналистки Людмилы Анденко и экс-главреда Юлии Довлетовой [возбуждено](#) уголовное дело по ст. 361-1 УК; МВД [относит](#) их к администраторам Telegram-группы, в которой «публиковалась информация, направленная на организацию, подготовку и совершение массовых беспорядков, сопротивление сотрудникам правоохранительных органов с целью посягательств на независимость, территориальную целостность, основы конституционного строя». Отмечается, что журналистки также продвигали свои «деструктивные взгляды» через информационные ресурсы телерадиокомпаний.

29 ноября КГБ одним решением признал «экстремистскими формированиями» сразу три могилевских СМИ: «6TV Bielarus», «Магілёў Медыя» и «Навіны Магілёўскага рэгіёну». Примечательно, что сотрудники ГУБОПик при преследовании «6TV Bielarus» (осмотр и изъятие техники в редакции) в 2021 году [оказывали давление](#) на главного редактора с целью вынудить отключить сайт ресурса, угрожая преследованием по ст. 342 УК, а также — ст. 130 УК за видеопрограммы о милиции. В 2023 году ресурс подвергся преследованию уже как «экстремистское формирование». Признание двух других СМИ также повлекло [волну обысков](#), затронувших в том числе лиц, которые взаимодействовали с данными ресурсами: так, был задержан журналист Сергей Антонов. [Сообщается](#), что давление на него началось уже в начале декабря: журналиста вызвали в КГБ, предъявили документы, якобы свидетельствующие о его работе на признанный к тому моменту «экстремистским формированием» портал mogilev.media, вынуждали сознаться в работе на данное СМИ. Журналисту удалось покинуть страну. Преследование Ивана Муравьёва демонстрирует, что правоприменителю достаточно любого рода связи между преследуемым лицом и СМИ: журналист-фрилансер приговорен к двум с половиной годам лишения свободы по ч. 3 ст. 361-1; участие в «экстремистском формировании» «Белсат» [состояло](#) в эпизоде видеосъемки для расследования журналиста Станислава Ивашкевича, которое вышло на телеканале «формирования» в июле 2022 года.

Как показывает практика, «**участниками**» «**экстремистских формирований**» [считаются и подписчики соответствующих ресурсов](#), из чего можно сделать вывод о том, что правоприменители в произвольном порядке презюмируют в подписке наличие некоего содействия ресурсу, об обновлениях которого человек хочет быть осведомлен — не говоря о безосновательной презумпции

наличия понимания, что ресурс, на который человек подписан, осуществляет «экстремистскую деятельность». Подобные практики позволяют преследовать в уголовном порядке лиц, отнесенных к некоей «группе граждан», сущностно не связанных между собой, в действиях каждого могут отсутствовать признаки «экстремистской деятельности» — лишь по критерию принадлежности к участникам «экстремистского формирования».

ii. Практика преследования по ст. 361-4 УК («Содействие экстремистской деятельности»)

В целом, граница между «участниками» и «содействующими» деятельности «экстремистских формирований» представляется размытой, в том числе исходя из разъяснений госсми: в августе 2023 года Белта [предупреждает](#) о том, что осуществляющие любую передачу сведений представителям «экстремистского формирования» [которых еще необходимо определить] лица приравниваются к участникам данного формирования.

Тем не менее, лица, взаимодействующие (не в качестве постоянных сотрудников) со СМИ, признанными «экстремистскими формированиями», [начиная](#) с 2022 года преследуются, скорее, по ст. 361-4 УК за отправку любого рода информации, включая:

- // фото и видео — см. пример [преследования](#) журналиста Юрия Гонцаревича, [преследование](#) за передачу информации о реальном положении дел в конкретной области),
- // предоставление интервью (см. преследование [Егора Лебедка](#) и [Дарьи Лосик](#)),
- // помощь в осуществлении видеосъемки для сюжета (см. [преследование](#) Татьяны Пытько и Вячеслава Лазарева).

В 2023 году [появилась](#) практика преследования за «содействие» не только экспертов, но и обычных граждан, предоставляющих интервью и комментарии «экстремистским» СМИ.

iii. Практика преследования по ст. 361-2 УК («Финансирование экстремистской деятельности»)

Еще одна статья, по которой могут преследоваться взаимодействующие со СМИ и медиаорганизациями, признанными «экстремистскими формированиями» лица — ст. 361-2 УК. По ней [обвиняются](#) лица, осуществляющие денежные или иные материальные пожертвования — [в том числе](#) до признания фондов или организаций, которым были адресованы пожертвования — «экстремистскими формированиями». При этом сведения о том, что суды действительно оценивают, насколько данное действие является «заведомым обеспечением

экстремистской деятельности» по тексту данной уголовной статьи, отсутствуют.

❗ Бóльшая часть крупных независимых СМИ признаны «экстремистскими формированиями», в целом этот механизм используется все чаще;

❗ Произвольное по сути своей решение о признании «экстремистским формированием» влечет за собой серьезное вмешательство в свободу СМИ в виде привлечения к уголовной ответственности учредителей, сотрудников медиа — а также уголовного преследования читателей и иных лиц, которые когда-либо взаимодействовали с данным СМИ;

❗ Расплывчатые формулировки закона не позволяют четко определить круг лиц, которые могут потенциально подвергнуться преследованию, что в очередной раз подтверждает общую проблему непредсказуемости в применении «антиэкстремистского» законодательства;

❗ Само уголовное преследование является произвольным: зачастую механизм применяется ретроактивно.

Как показывает практика, данный механизм позволяет объединять граждан в группы на удобных принимающим решение органам основаниях и преследовать отдельных лиц исключительно за презюмируемую принадлежность (под которой может пониматься любого рода связь) к такой группе. С учетом того, что принимающие решение органы не имеют никакой возможности установить наличие или отсутствие осознания потенциальными участниками своей причастности к «экстремистской деятельности» (не говоря о намерении каким-либо образом ей содействовать), а следовательно — и участия в «экстремистском формировании» — особенно до официального признания группы граждан таковым — фактически уничтожается возможность предсказать правовые последствия своих действий. В целом, размытость формулировок Закона «О противодействии экстремизму» и корреспондирующих статей Уголовного кодекса в совокупности с практикой произвольного (включая ретроактивность) уголовного преследования нарушают обязательства государства по защите свободы выражения мнений, а также грубым образом противоречат статье 15 Пакта (запрет на назначение наказания в отсутствие [в последнее время¹⁸ — «четко сформулированного»] закона). Серьезность санкций по каждой из применяемых уголовных статей, общий правовой дефолт, обуславливающий отсутствие гарантий справедливости и независимости суда не оставляют шанса для правомерного использования механизма признания группы граждан «экстремистским формированием».

Как следствие, государство нарушает свои обязательства по созданию условий

¹⁸ См. ICCPR Commentary, Paul M. Taylor: «Principles of nulla poena sine lege certa (no punishment without clear law) are now emerging more discernibly in Committee jurisprudence, for example, when attacking as a fair trial matter criminal legislation formulated in a broad and vague fashion that is susceptible to wide interpretation, and does not comply with the principle of legal certainty and predictability..»

для возможности свободного функционирования СМИ в отсутствии цензуры, ограничений в обмене сведениями между медиа и источниками информации¹⁹: признанные «экстремистскими формированиями» СМИ ограничены в возможности любого взаимодействия — включая получение ключевой для своевременного освещения событий информации, а также финансовой и иной помощи — с лицами, находящимися на территории Беларуси.

Иллюстрация
Борис Хмельный / Медиазона

3. Индивидуальное преследование журналистов: перечни «экстремистов» и «террористов»

Индивидуальное преследование журналистов, в первую очередь, включает в себя последствия применения первых двух механизмов (журналист привлекается к административной ответственности как «распространяющий» «экстремистские материалы», или уголовной — как создатель, участник «экстремистского формирования» или лицо, содействующее его деятельности). Помимо этого, журналисты преследуются за свою деятельность и по другим основаниям, которые могут содержательно пересекаться с элементами широкого перечня отнесенных к «экстремистской деятельности» по ст. 1 Закона «О противодействии экстремизму» действий. Влияние «антиэкстремистского» законодательства в таких случаях выражается преимущественно в наделении журналистов статусом «лица, причастного к экстремистской деятельности» и (или) «лица, причастного к террористической деятельности» — и внесении в соответствующие перечни. Общая содержательная расплывчатость как «экстремистской», так и «террористической» деятельности, наличие общих для обоих списков составов не позволяют сделать вывод о наличии у законодателя четкого представления о разнице между двумя статусами, целесообразности и основаниях для присвоения каждого из них.

19 См. п. 13, 14 Замечания общего порядка № 34: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPrICAqhKb7yhsrdB0H1I5979OVGGB%2BWPAXiks7ivEzdmLQdosDnCG8FaGzYH6OnzWb2RXT7yJopp6wnueK3xDIZpJtsnQ4NnehKxA27tv6yxSEu56OqU0tVD>

Г. Основания и процедура присвоения статуса «лица, причастного к экстремистской деятельности», «лица, причастного к террористической деятельности»

і. «экстремистский» перечень:

- !** Основание для включения—вступивший в силу приговор по «экстремистским» составам УК, корреспондирующим деяниям, перечисленным в ст. 1 Закона «О противодействии экстремизму»²⁰;
- !** Основания для исключения из перечня—документальное подтверждение смерти либо истечение пяти лет со дня погашения или снятия судимости²¹;
- !** В течение еще пяти лет после погашения или снятия судимости внесенные в перечень граждане ограничиваются в правах, включая запрет на преподавательскую и издательскую деятельность, занятие государственных должностей²²;
- !** Распространение изображений внесенных в перечень лиц относится к «экстремистским материалам», а потому—запрещено под угрозой привлечения к ответственности²³.

Принимая во внимание чрезмерную расплывчатость определения экстремизма, наряду с отсутствием у ряда «экстремистских преступлений» какой-либо связи с риском насилия, возникает вопрос о целесообразности существования данного перечня как такового. Фактически включение в «экстремистский» перечень является неизбежным продолжением политически мотивированного уголовного преследования представителей СМИ по «экстремистским» статьям. ем самым, ограничение в правах, выступающее закономерным следствием внесения в рассматриваемый перечень, может быть рассмотрено в качестве еще одной «санкции» за реализацию журналистами свободы выражения мнения, что, вне всякого сомнения, свидетельствует о нарушении статьи 19 Пакта.

іі. «террористический» перечень:

- !** Основания для включения: среди прочего²⁴—вступивший в силу приговор суда, включающий в том числе «экстремистские» статьи Уголовного кодекса, а также постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого по ряду статей (включающих, в частности, ст. 130 («Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни»)

20 П. 1.2 Постановления №575.

21 Ст. 18 Закона «О противодействии экстремизму»

22 Там же.

23 Ст. 1 Закона «О противодействии экстремизму»

24 См. п. 5 Положения о порядке определения перечня организаций и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, причастных к террористической деятельности, обжалования решения о включении организации, физического лица, в том числе индивидуального предпринимателя, в такой перечень и рассмотрения иных обращений этих организации, физического лица, в том числе индивидуального предпринимателя, доведения этого перечня до сведения лиц, осуществляющих финансовые операции, и органа финансового мониторинга, утвержденного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.12.2014 N 1256

! В законодательстве отсутствует четкий перечень последствий включения в список; ключевое — ограничение внесенного в перечень лица в возможности совершать какие-либо сделки в гражданском обороте, особенно с использованием безналичных расчетов.

В первую очередь, нельзя не обратить внимание, что основанием для включения лица в «террористический» перечень выступают, в том числе, такие уголовные составы, как ст. 361 УК (призывы к санкциям), ст. 130 УК (разжигание вражды), ст. 130-1 УК (реабилитация нацизма), ст. 130-2 (отрицание геноцида белорусского народа), представляющие собой осуществление ненасильственных действий. В данном отношении следует подчеркнуть, что, согласно ст. 3 Закона «О борьбе с терроризмом», террористическая деятельность может представлять собой «пропаганду идей терроризма», наряду с «распространением и предоставлением материалов и информации, призывающих к осуществлению терроризма либо обосновывающих или оправдывающих необходимость его осуществления». Как можно заметить, несмотря на то, что «терроризм» может заключаться в «выражении мнения», вышеперечисленные преступления, служащие основанием для внесения в «террористический» перечень, не предполагают в своих составах какой-либо связи с террористической деятельностью. Ввиду этого, внесение статей 130, 130-1, 130-2, 361 УК в качестве основания для включения перечень представляется сугубо произвольным, выступая вопиющим нарушением права на выражение мнения, предусмотренное статьей 10 Пакта. Более того — алгоритм внесения в «террористический перечень» также подразумевает возможность включения в него лица, находящегося в статусе обвиняемого, что выступает безусловным пренебрежением презумпцией невиновности и, как следствие, несоблюдением права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного статьей 14 Пакта.

На момент написания настоящего доклада как минимум 33 журналиста из подвергшихся преследованию в 2023 году включены в «список экстремистов», и как минимум 12 — в «список террористов». Анализ практики включения в оба списка показывает, что в первый список чаще всего попадают журналисты, подвергающиеся уголовному преследованию по статьям 361-1, 361-4 УК. Есть также журналисты, которые были осуждены, в частности, по «протестной» 342-й статье («Организация и подготовка действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них»), ст. 369-1 («Дискредитация Республики Беларусь»), ст. 130 («Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни») — и в том числе оказались в данном списке.

Абсолютное большинство журналистов, попавших в «список террористов», осуждены (или на момент внесения в список обвинялись) за разжигание вражды, в ряде случаев заключавшегося в публикации материалов критического характера (см. ситуации Геннадия Можейко, Сергея Сацука, Андрея Почобута),

что само по себе представляет выход за допустимые пределы ограничений по статье 19 Пакта.

- ❗ Внесение журналистов в оба перечня является результатом произвольного политического преследования;
- ❗ В нарушение принципа презумпции невиновности, в «перечень террористов» могут вноситься и лица в статусе обвиняемых;
- ❗ Отсутствует обоснованная существенная связь между преступлениями, за совершение (или обвинение в совершении) которых предусмотрена возможность внесения в перечни, и понятиями «экстремизма» и «терроризма», что обуславливает произвольность следующего за внесением в перечни значительного ограничения прав журналистов. Внесение журналистов в перечни «террористов» и «экстремистов», в сущности, является недопустимым²⁵ наказанием за осуществление ими законной профессиональной деятельности.

Иллюстрация
Мария Толстова / Медиазона

²⁵ П. 46 Замечания общего порядка №34: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPRiCAqhKb7yhsrdB0H1I5979OVGGB%2BWPAXiks7ivEzdmLQdosDnCG8FaGzYH6OnzWb2RXT7yJopp6wnueK3xDI ZpJtsnQ4NnehKxA27tv6yxSEu56OqU0tVD>

Выводы и рекомендации

Анализ правового регулирования в сфере противодействия экстремизму, наряду с практикой его применения в отношении белорусских независимых медиа и журналистов свидетельствует о вопиющем нарушении со стороны властей международных стандартов свободы выражения мнения и свободы СМИ. Само понимание «экстремизма», лежащее в основе государственной политики, выходит далеко за пределы концепции насильственного экстремизма, ведущего к терроризму, разработанной в рамках ООН — что, в свою очередь, превращает «антиэкстремистскую» политику в инструмент сугубо репрессивного характера, не «обремененного» следованием основным принципам права.

Антиэкстремистское законодательство, лежащее в основе государственной политики в данном направлении, базируется на чрезмерно широких и расплывчатых формулировках, нивелирующих возможность предсказуемого толкования, фокусируясь на «наказании» за экстремизм, вместо его профилактики. Помимо этого, в национальном правовом регулировании наблюдается множество «процедурных» изъянов, характеризующихся отсутствием прозрачности и ставящих под угрозу гарантии эффективных средств правовой защиты. Вышесказанное позволяет прийти к выводу, что Закон «О противодействии экстремизму» в сущности вообще не является законом по смыслу Международного пакта о гражданских и политических правах — и, следовательно, любое ограничение прав и свобод, мотивированное его применением, может быть автоматически рассмотрено в качестве нарушения.

К тому же, практика произвольного применения «антиэкстремистских» мер по отношению к независимым медиа и их представителям формирует условия, при которых правомерная журналистская деятельность фактически поставлена «вне закона». «Экстремистские» статусы редакций СМИ не только официально лишают их возможности взаимодействовать с источниками информации внутри страны, распространять свой контент среди аудитории и получать финансирование, но и представляют серьезнейшую угрозу для безопасности журналистов — в силу непосредственного риска уголовного преследования. Упомянутая практика в корне подрывает стандарты свободы слова (в частности — права журналистов на получение и распространение информации), равно как и проистекающие из них стандарты свободы медиа, регламентированные статьей 19 Пакта.

Наряду с этим, «жертвами» вышеуказанной политики выступают не только непосредственно медиа и их представители, но и широкая общественность в лице аудитории независимых СМИ — которая лишается права получать продукцию

СМИ, выступающего неотъемлемым элементом свободы выражения мнения. Более того, следует учесть, что «антиэкстремистские» меры применяются дискриминационно и, разумеется, не затрагивают государственные медиа, находящиеся под тотальным контролем власти. В результате указанной практики «легальным» источником информации об общественно-политической жизни для аудитории внутри Беларуси являются средства государственной пропаганды, прибегающие к дезинформации и языку вражды. Помимо этого, в то время как государство закрывает глаза на нарушение положений законодательства со стороны собственных «СМИ», ситуация значительно усугубляется практической невозможностью для независимых медиа, журналистов и их читателей защитить нарушенные права, в силу отсутствия в Беларуси независимой судебной власти.

Разумеется, все вышесказанное позволяет прийти к однозначному заключению, что политика государства по противодействию «экстремизму» в отношении медиа и журналистов представляет собой нарушение как собственной Конституции, так и международных обязательств в сфере прав человека, ранее добровольно взятых на себя Беларусью.

Основываясь на вышеописанном, в настоящем докладе предлагаются следующие рекомендации:

- // Немедленно освободить всех представителей СМИ, привлеченных к уголовной ответственности в связи с законной реализацией свободы выражения мнения.
- // Немедленно освободить всех лиц, привлеченных к уголовной ответственности в связи с взаимодействием с независимыми СМИ, признанными «экстремистскими формированиями».
- // Отменить ведение Перечня граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства, причастных к экстремистской деятельности и Перечня организаций и физических лиц, причастных к террористической деятельности.
- // Отменить ведение Перечня организаций, формирований, индивидуальных предпринимателей, причастных к экстремистской деятельности.
- // Отменить ведение Республиканского списка экстремистских материалов и отменить Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О ведении и опубликовании республиканского списка экстремистских материалов от 23.04.2007 № 513.

- // Возобновить доступ к интернет-ресурсам независимых СМИ, заблокированных в связи с применением «антиэкстремистских» мер.
- // Прекратить практику произвольного применения мер по противодействию экстремизму в отношении СМИ, их представителей и читателей.
- // Предоставить всем жертвам произвольного применения антиэкстремистской политики доступ к эффективным средствам правовой защиты.
- // Отменить Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» от 04.01.2007 № 203-3.
- // Денонсировать Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года и Конвенцию Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года.
- // Исключить из Уголовного кодекса Республики Беларусь статью 361-1 (Создание экстремистского формирования либо участие в нем), статью 361-2 (Финансирование экстремистской деятельности), статью 361-4 (Содействие экстремистской деятельности), статью 361-5 (Прохождение обучения или иной подготовки для участия в экстремистской деятельности).
- // Исключить из Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях статью 19.11. (Распространение, изготовление, хранение, перевозка информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность).
- // Разработать и принять Национальный план действий по предотвращению насильственного экстремизма, ведущего к терроризму, на основании рекомендаций Плана действий ООН по предупреждению насильственного экстремизма.